
ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

К 100-летию Ю. В. Друниной

Альберт ИЗМАЙЛОВ

«Я РОДОМ НЕ ИЗ ДЕТСТВА – ИЗ ВОЙНЫ»

Однажды шел по Университетской набережной к Румянцевскому скверу. Остановился у книжного киоска у здания филологического факультета университета. Взял в руки книгу стихов. На обложке: Юлия Друнина... Зашел под кроны тенистых деревьев Румянцевского сквера. Сел на скамью. Открыл книгу. Где-то рядом гулко пропел пароходный гудок. Поднял голову. В сиреновом тумане сквозь листву вдруг вижу...

По Съездовской линии — что за походка! — девчонка идет, как под парусом лодка. Прическа что надо. Глаза словно два водопада. Стройна и подвижна, как ртутный свет, лунна. И прячется где-то скрытная тайна подспудно.

...А на дворе гремела непогода:
В небе гром грохочет и играет.
Над Невою носится гроза.
Кто-то рядом спешно отирает
Черные и влажные глаза...

В сознании поэта при вдохновении рождался гул, шум, звук. Рождался от тех чувств, которые дарил ему город: вода, небеса, камень, любимый человек, их движение. Мы слышим в текстах приглушенные звуки города — холодные зимой, как бы возрождаю-

---

Альберт Федорович Измайлов родился в Ленинграде в 1937 году, житель блокадного Ленинграда, кандидат филологических наук.

щиеся — весною, затухающие — осенью. Звук музыки обволакивает стихотворные строки, дрожа, прерываясь, маня.

...Я не привыкла,
Чтоб меня жалели,
Я тем гордилась, что среди огня
Мужчины в окровавленных шинелях
На помощь звали девушку —
Меня...

Под Можайском Юлия Друнина впервые в жизни попала под бомбежку, потерялась, отстала от своей группы. Блуждала до тех, пока не наткнулась на солдат пехотного полка, которым нужна была санитарка. Так Юля оказалась на фронте. Первый бой, первое окружение, первый прорыв к своим, в ходе которого погибали ее товарищи...

Санинструктор 667-го стрелкового полка 218-й стрелковой дивизии Юлия Друнина писала:

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

После ранения санинструктор Друнина была признана инвалидом и комиссована. Но Юля не хотела в дни войны оставаться в тылу и вновь прорвалась на фронт. Была причислена к 1038-му самоходному артиллерийскому полку 3-го Прибалтийского фронта. Вместе с полком освобождала Псковскую область и Прибалтику. В ноябре 1944 года после тяжелой контузии Юлию Друнину комиссовали окончательно.

Войну она закончила старшиной медицинской службы с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Война навсегда осталась в ее творчестве:

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.

В 1990 году Друнина стала депутатом, выступала с публицистическими статьями, призывала сохранить все лучшее, что было в уходящей эпохе. О своем депутатстве говорила: «Единственное, что меня побудило это сделать, — желание защитить нашу армию, интересы и права участников Великой Отечественной войны и войны в Афганистане».

Я родом не из детства — из войны.
Раз, пробираясь партизанской тропкой,
Я поняла навек, что мы должны
Быть добрыми к любой травинке робкой...

Согласно ее последней воле, Юлию Владимировну Друнину похоронили на Старокрымском кладбище, рядом с мужем Алексеем Каплером. Именно в Крыму, в Коктебеле, они отдыхали вместе в свои самые счастливые дни...

Дышит море. Дышат горы. Дышит степь. Солью волны. Теплом камня. Настоем трав. И болевой памятью кладбищенских плит. И словами Юлии Друниной о памятнике в Коктебеле:

Коктебель в декабре.
Только снега мельканье,
Только трое десантников,
Вросшие в камень.
Только три моряка,
Обреченно и гордо,
Смотрят в страшный декабрь
Сорок первого года.

И вдали от теплого моря она писала о своем любимом крае, о своем любимом, чья могила там, в морской дали:

Ну, а ты
В ночах осенних, длинных,
Ты,
От моря и меня вдали,
Помнишь ли
Цветущие маслины
И на горизонте корабли?